

Уроки прошлого: в защиту региональных отделений РАН

Е.Т. АРТЕМОВ, доктор исторических наук, директор Института истории и археологии Уральского отделения РАН, Екатеринбург. E-mail: ija-history@mail.ru

Автор в статье указывает на двойственность принципиальных положений федерального закона «О Российской академии наук» и указа «О Федеральном агентстве научных организаций», из которых остается неясным будущее региональных отделений РАН.

Ключевые слова: Российская академия наук, реформа, региональные отделения РАН

27 сентября 2013 г. президент РФ В.В. Путин подписал федеральный закон «О Российской академии наук» и указ «О Федеральном агентстве научных организаций», что вплотную подводит российскую академическую науку к этапу практической реализации радикальной реформы. Однако, в силу двойственности ряда принципиальных положений названных актов, до сих пор представляется неясным будущее региональных отделений РАН. На мой взгляд, одним из обязательных условий их успешного реформирования является учет предшествующего развития академической науки в регионах, в том числе на Урале и в Сибири.

У истоков идеи создания академических центров

Сегодня мало кто вспоминает, что истоки советской системы организации науки заложены еще в начале XX века. Уже тогда в обществе активно обсуждались вопросы о необходимости территориального рассредоточения научной деятельности и создания сети специализированных научных организаций. Так, выдающийся российский ученый академик В.И. Вернадский в своей записке «О государственной сети исследовательских институтов» (1916) указывает, что страна крайне нуждается в разветвленной системе научных учреждений – «для выяснения и использования наших естественных производительных сил» во всех частях «необъятной Родины»¹.

¹ Бастракова М.С. Организационные тенденции науки в начале XX в. // Организация научной деятельности. – М., 1968. – С. 166–168.

Он же высказал мнение (поддержанное многими коллегами), что вузы – не лучшее место для проведения исследований, поскольку, во-первых, кафедральная организация работы лучше приспособлена для частных поисковых исследований, но не позволяет реализовать масштабные научные и научно-технические проекты, во-вторых, чрезмерная учебная нагрузка в университетах у многих и так вызывала нарекания. Например, академики П.Н. Лебедев, К.А. Тимирязев, Н.С. Курнаков и др. называли ее «учебной барщиной», которая не оставляет ученому времени на полноценные исследования.

Выход из сложившейся ситуации они видели в создании сети специализированных институтов. В них предлагалось сосредоточить ученых, которые обнаружили «редкую и ценную для всей нации способность двигать науку вперед». Естественно, речь не шла о тотальном «разводе» науки и образования. Говорилось, что сотрудники институтов могут и должны привлекаться к работе в вузах. Но именно это рассматривалось как дополнительная нагрузка.

Подобную модель взаимодействия науки и образования можно считать прообразом так называемой «физтеховской системы», реализованной в полном объеме в 1940-е – 1950-е гг. в СССР в интересах прежде всего атомного проекта, других оборонных программ. Эта модель органично соединяла исследовательскую деятельность и высшее образование. Тогда в ряде вузов были образованы специальные факультеты. Значительную часть их преподавательского корпуса составили сотрудники академических и отраслевых институтов. В свою очередь студенты, начиная с 3–4-го курсов, проходили стажировку в исследовательских организациях. В результате в кратчайшие сроки удалось наладить масштабную подготовку высококлассных специалистов по ключевым направлениям развития науки, техники, производства.

И сегодня элементы этого опыта успешно используются в интеграции академической науки и университетского образования. В качестве примера можно назвать практику взаимодействия Сибирского и Уральского отделений РАН с Новосибирским исследовательским и Уральским федеральным университетами. Причем она охватывает большинство направлений подготовки специалистов.

Как академическая наука росла «вширь»

В первые годы советской власти большевистским реформаторам было не до науки. Но все-таки даже «тоталитарный режим» был вынужден признать ее национальным достоянием. Ей как высшему научному учреждению страны выделили огромные ресурсы, которые, в частности, направили на создание сети академических филиалов на местах. Так, в 1932 г. было принято решение о создании Уральского филиала АН СССР, в деятельности которого помимо фундаментальных исследований с самых первых дней важное место заняла практическая составляющая, во многом определившая выбор направлений научного поиска. Большая часть исследований была непосредственно связана с так называемой программой Ура-ло-Кузбасса, формированием на востоке страны мощного промышленного комплекса.

Массированная поддержка позволила академической науке резко нарастить свой потенциал, активно включиться в реализацию советских промышленных проектов. А в середине XX в. Советский Союз во многом благодаря Академии вышел на лидирующие позиции по ряду ведущих направлений научно-технического прогресса. Достаточно вспомнить ее роль в реализации атомного проекта, в создании ракетно-космической техники, в развитии радиоэлектроники, самолетостроения и т.д. Свой вклад в эти достижения внесли региональные академические центры.

Первое региональное отделение – Сибирское – появилось в 1957 г. Его создание мотивировалось необходимостью решения двух взаимосвязанных задач. С одной стороны, становилось все более очевидным, что экономическое развитие является функцией (зависимой переменной) научно-технического прогресса, а путь к его ускорению лежит через качественное и количественное укрепление фундаментальных исследований. С другой стороны, учитывались императивы регионального развития. Требовалось подвести солидную научную основу под объявленную тогда программу массированного освоения природных ресурсов и ускоренного наращивания производительных сил Сибири.

Уже в начале 1960-х гг. новосибирский Академгородок занял видное место на мировой карте науки. Достижения его

ученых активно внедрялись в производство. На основе академических институтов и Новосибирского университета была создана эффективная система подготовки специалистов для науки, производства, образования. Опыт Сибирского отделения получил мировое

признание и лег в основу организации региональных отделений Академии на Урале и Дальнем Востоке.

Принципы организации всех трех региональных отделений идентичны. У них один статус. Он позволяет им самостоятельно определять исследовательскую тематику, решать кадровые вопросы, инициировать изменения в составе научных учреждений, расставлять приоритеты в развитии материально-технической базы. Эти права гарантируют независимое финансирование (отдельная строка в бюджете), выборы членов Академии на специально выделенные вакансии, избрание директоров институтов общим собранием отделений. Хотя, конечно, каждое региональное отделение имеет свою специфику в составе институтов, приоритетах научного поиска, численности сотрудников...

Несмотря на все коллизии постсоветских трансформаций, академическая наука в регионах не просто выживала, а развивалась. На мой взгляд, выдержать испытание на прочность ей во многом позволило именно организационное оформление в виде региональных отделений.

О роли исторической аргументации в обосновании перспектив

С одной стороны, ссылки на прошлый опыт не могут быть главным аргументом при обосновании практических действий, рассчитанных на перспективу. И то, что когда-то казалось (или действительно было) разумным, может уже не соответствовать новым реалиям. С другой стороны, говоря словами нобелевского лауреата Дугласа Норта, «история имеет значение»². И не только потому, что позволяет извлечь уроки из прошлого. Их можно интерпретировать по-разному. Но прошлое задает определенную логику развития, и если мы ее нарушаем, все происходит по известной формуле: хотели как лучше, а получилось как всегда.

² Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. – М., 1997. – С. 12.

Вышесказанное имеет прямое отношение к будущему такого действенного института, как региональные отделения РАН. Федеральный закон «О Российской академии наук» допускает возможность передачи их институтов Федеральному агентству научных организаций. Одновременно региональные отделения лишаются статуса главных распорядителей бюджетных средств. Если эти положения будут реализованы на практике, то «большую науку» Урала, Сибири и Дальнего Востока ждут тяжелые времена.

Сужу по своему институту. В составе УрО РАН мы оперативно решаем все жизненные для нас вопросы. Сложившаяся в институте академическая школа историков имеет самые благоприятные условия для развития. Нам легко налаживать междисциплинарное взаимодействие, которое в современной науке приобретает все большее значение. Мы постоянно должны доказывать свою состоятельность в сравнении с институтами другого научного профиля, что служит мощным стимулом для научного коллектива, не позволяя ему «почивать на лаврах». Я не представляю, чем можно компенсировать названные преимущества. Трудно себе представить, как вновь образованное Федеральное агентство обеспечит нам из Москвы сносные условия для развития и деятельности, сможет объективно оценить наши результаты.

Иначе говоря, прежде чем один раз отрезать, нужно семь раз отмерить, соблюдая одно важное условие. Его, кстати, очень хорошо сформулировал Егор Гайдар, один из главных идеологов современного российского либерализма: чтобы конструктивно обсуждать значимые общественные проблемы, а тем более их решать, нужна длительная ретроспектива, понимание логики долгосрочных изменений³. Хочется надеяться, что это понимание все же придет к нынешним реформаторам Академии.

³ Гайдар Е.Т. Долгое время. Россия в мире : очерки экономической истории. 2-е изд. – М., 2005. – С. 9.